Л.И. Зарембо (Минск, БГУ)

**О ПЕРЕВОДЕ ФРАГМЕНТА «СЛОВО О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ»
«ГАЛИЦИ... ГОВОРЯХУТЬ»
(В СВЯЗИ С ДАННЫМИ БЕРЕСТЯНЫХ ГРАМОТ 2008 г.)**

Среди 12 грамот новгородских раскопок 2008 года фрагмент № 968 дал основания для реконструкции сочетания «(оби)доу говори» [см. подробнее: 2]. Это послужило основанием для выводов А.А. Зализняка (как автора книги «Слово о полку Игореве: Взгляд лингвиста [1]) о том, что «обрывок бересты оказался ценным подарком для историков языка – это самый ранний в истории русского языка (между XIII и XIV веком – Л.З.) документ, где *говорити* означает 'говорить'. В словаре Срезневского... *говорити*... в современном значении... не старше конца XIV века. Эволюция значения от 'шуметь, гомонить' (о толпе) к 'dicere' – типовая». И в отношении поэмы: «В «Слове» *говоряхуть* не люди, а галки (*галици*)... Изображается звук голосов нерасчлененной массы (...птиц) – в точном соответствии с древним значением. В переводах практически везде дается: «Галки свою речь говорили»; но это неточный, бессознательно модернизирующий перевод: точный смысл – «Галки своей речью гомонили» [2, с. 10-11].

Эти суждения обращены к автономно востребованному данному словосочетанию и при этом базируются не в полной мере на всех его членах: акцентируется внимание на «галки», «говорити», но пренебрегается влияние семантического поля «речь». Кроме того, нивелируется высокая концептуальная насыщенность текста «Слова» по сравнению с записью иного назначения и стилистики.

В результате возможно деструктивное восприятие художественной образности, смысловой целостности как одного из ключевых пассажей, так и всей древней Песни.

Выражение «галици свою рѣчь говоряхуть» включено в сюжетный блок о деятельности князя, чье имя вынесено в заглавие произведения «Слово... внука Ольгова», он – дед центрального героя, сын основоположника черниговской ветви Рюриковичей, инициатор и участник событий почти вековой давности по отношению к Игореву походу. Это участок текста от «57. Были вѣчи Трояни...» до «66. ...въ ты рати и въ ты плъкы...».

«Разрывая» описание второй битвы, новелла даже и на его эмоционально напряженном фоне выделяется особой концентрацией энергии чувств, переживаний, патриотических обобщений и высокой стройностью архитектоники.

Например, в ней синтаксически «навязчиво» указание на объединяющую отдаленность «тех» явлений: «58. Тѣй бо Олегъ..., 60. То же звонъ..., 63. Съ тоя

же Каялы., 64. Тогда при Олзѣ., 65. Тогда по Руской земли., 66. То было въ ты рати и въ ты плъкы...». В конце ряда это подчеркнуто оппозицией «66. ...а сицей рати не слышано...».

Весь фрагмент заключен как бы в раму речений, хронологически обособляющих, выделяющих его как целостность из потока текущих событий. Начальная грань: «57. Были вѣчи Трояни, минула лѣта Ярославля; были плъци Олговы, Ольга Святъславличя». Конечная: «66. То было въ ты рати и въ ты плъкы, а сицей рати не слышано...».

Далее, внутри него историко-политический обзор «тех» событий обрамляется как бы суммирующими фразами «58. Тѣй бо Олегъ мечемъ крамолу коваше и стрѣлы по земли сѣяше», «64. Тогда при Олзѣ Гориславличи сѣяшется и растяшеть усобицами... 65. ... полетѣти на уедіе». В них общая тема осуждения усобиц, инициируемых Олегом, представлена в плане поэтики совершенно единообразно – сопряжением нравственно-оценочной лексики противоположных сфер. Жизненно-созидательной, мирной деятельности ойкумены и антагонистичной воинской, жизненно-деструктивной, танатогенезной. В 58 это «ковать» – «крамола», «меч», «сеять» – «стрела». В 64: «сеять», «растить» – «усобицы», в 65 «ратай» – «вран», «галица».

При этом надо отметить, что замыкающая часть 64 и 65 – более распространенная, она дополнена темой народно-национального бедствия: «64. ...погибашеть жизнь Дажьбожа внука, въ княжихъ крамолахъ вѣци человѣкомъ скратишас<я>. 65. Тогда по Руской земли рѣтко ратаевѣ кикахуть, нѣ часто врани граяхуть; трупіа себѣ дѣляче, а галици свою рѣчь говоряхуть: хотятъ полетѣти на уедіе». Этот мощный аккорд воспринимается (в отношении всего рассматриваемого фрагмента) как самостоятельная эстетическая целостность, обособленная сюжетно-пейзажная зарисовка объемно зримого, пространственно-перспективного воспроизведения жизни на Руси. По силе, характеру своего воздействия не сегодняшнего рецепиента она вполне соотносима с верлибрами нового времени.

Тогда
при Олзѣ Гориславличи
сѣяшется и растяшеть
усобицами,
погибашеть жизнь
Даждьбожа внука,
въ княжихъ
крамолахъ
вѣци
человѣкомъ
скратишас<я>.
Тогда
по Руской

земли

ретко

ратаевh

кикахуть,

нь часто

врани

гряяхуть,

трупiа

себе дhляче,

а галици

свою

рhчь говоряхуть:

хотять полетhти

на уедiе.

«Стихотворение» организовано так, что в нем отчетливо превалирование мотива снижения позитива в первой части (от «Тогда при Олзh...» до «...человhкомъ скратишас<я>») и нарастание явлений отрицательной семантики – во второй (от «Тогда по Руской...» до «полетѣти на уедiе»). Проследим это в показательной для данного случая области названия субъектов и производимых действий

(1)	Даждьбожа внука	погибашеть жизнь
(2)	вhци человhкомъ	скратишас<я>
(3)	ратаевh	кикахуть
(4)	врани	гряяхуть
(5)	галици	рhчь говоряхуть

Антропонимы представлены: от поэтически возвышенного солнечнородного названия славян (1) к 'человек как член общества', представитель 'народа, населения', 'человек как живое существо, обладающее мышлением и речью' [4, вып. 6, с. 147] (2), затем к 'пахарь, земледелец, сеятель' [4, вып. 5, с. 24], т. е. субъект более низкого социального статуса. Следующим звеном в этой системе нисходящих ценностей становится анимальный мир. Название хищного ворона (психо-эмоциональное поле негатива – черноты, смерти) и более мелкой птицы – галки, также черной, поедающей остатки разложившихся существ.

При этом в параллельном правом столбце «действий» наблюдаем обратную динамику: от «погибашеть жизнь» (1) к «скратишася» – ('уменьшится, стать короче', 'приблизиться к концу' [4, вып. 5, стр. 189]) (2). И дальнейшее «оживление» картины жизни в звуке: нарастание его интенсивности по громкости и членораздельности, антропологической организации звуков «кикахуть» (3), «гряяхуть» (4), «рhчь говоряхуть» (5). Первый глагол в этом ряду обозначает некое покрякивание человека, звукоподражательное птичьему, второй – образует с ним антонимичную пару по громкости, энергической наступательности (в корнях глухие–звонкие:

«к»), «к» – «г»), «р»). Третий ('шуметь, гомонить') ошибочно было бы рассматривать в изоляции от подчиненного компонента «рhчь» – 'словесно организованного устного языкового явления' [4, вып. 5, с. 40-44]. Данное существительное акцентирует коннотацию смысловой целенаправленности, концентрирует значение сообщаемости, информативности «своей» «беседы» галок. Содержание ее – стремление лететь на покормку останками, утверждение тем подавления и собственного господства над иными формами организации жизни, в том числе и человека.

Важно отметить, что выделенные синтаксически параллельные отрезки (3, 4, 5) скреплены указанными глаголами и в качестве рифмы. Об особом свойстве средневековой рифмы как инструменте тогдашней поэтики Ю.М. Лотман писал: «Подбор ряда слов с одинаковыми флексиями воспринимался как... включение... слова в общую категорию (причастие определенного класса, существительное со значением «делатель» и т.д.), что активизировало рядом с лексическим грамматическое значение. Лексическое значение является носителем семантического разнообразия, суффиксы включают их в определенные единые семантические ряды. Происходит генерализация значения. Слово насыщается дополнительными смыслами, и рифма воспринимается как богатая» [3, с. 103].

Приведенному теоретическому положению вполне соответствует по своим результатам рифменное взаимопритяжение глаголов «кикахуть» – «гряхуть» – «говоряхуть». Комплексно они, бесспорно, выполняют дополнительную импульсивную роль в развертывании содержания фрагмента и обогащении его информационной насыщенностью, о которых говорилось выше.

Таким образом, все рассмотренное семантическое поле повествования, эстетическая система взаимосвязи образов недвусмысленно иницируют в данном случае именно оттенок 'dicere' у глагола «говорити». То его значение в «Слове», которое, предположительно, из авторского, окказионального в художественном произведении найдет дальнейшее развитие, распространение и отразится в Новгородской грамоте № 968 XIII – XIV веков. И в таком случае перевод «свою речь говорили» отражает современное достаточно совершенное проникновение в систему художественно-выразительных средств памятника.

Литература

1. Зализняк А.А. «Слово о полку Игореве»: Взгляд лингвиста. – М., 2004. «Слово» цит. по этому изданию.
2. Зализняк А.А., Янин В.Л. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2008 г. // Вопросы языкознания. – 2009. – № 4.
3. Лотман Ю.М. Лекции по структуральной поэтике // Ю.М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. – М., 1994.
4. Словарь-справочник «Слова о полку Игореве» / Сост. В.Л. Виноградова. – М.; Л., 1965 – 1984. Вып. 1–6.